

В прошлой жизни Инь Чэньюй уже задавал этот вопрос.

Он воскресил в памяти события тех дней — самый разгар ожесточенной борьбы за престол. Император Лунфэн намеренно потворствовал распрям, гражданские и военные чины наперебой выбирали сторону, а второй и третий принцы из последних сил боролись за власть. Он, наследный принц, находился в самом эпицентре этого вихря, и покушения на его жизнь стали неизбежны.

Собственно, попытки убить его начались еще с тех пор, как он вернулся из императорской усыпальницы, вновь занял свое место при дворе и постепенно сосредоточил в своих руках власть.

Но то нападение было особенно опасным. Инь Чэньюй неосторожно отравился и ослеп. Спасаясь от преследователей, Сюэ Шу увлек его за собой вниз со скалы. Они полмесяца прятались в узкой пещере, прежде чем сумели связаться с разыскивавшими их отрядами императорской гвардии и выбраться из западни.

Вернувшись во дворец, он спросил Сюэ Шу: почему именно он?

Как тогда ответил Сюэ Шу?

Евнух долго смотрел на него сверху вниз, потом его пальцы дерзко коснулись губ принца, и он произнес: «Никто не сравнится красотой с Вашим Высочеством».

Инь Чэньюй счел эти слова оскорблением и больше никогда не возвращался к этому вопросу.

Их связь с Сюэ Шу началась с взаимовыгодной сделки, запуталась в сетях плотских желаний, и, возможно, в ней было намешано что-то еще, но Инь Чэньюй не желал копаться глубже. Нынешнее положение дел его вполне устраивало — так, по крайней мере, когда придет день скрестить мечи, ничья рука не дрогнет от жалости.

Отрешившись от воспоминаний, Инь Чэньюй взглянул на стоящего перед ним человека и вновь обрел свое обычное безразличие.

Он окинул взглядом этого пока еще юного Сюэ Шу, чьи мысли читались на лице, и подумал, что молодость все же имеет свои преимущества.

Молодой Сюэ Шу не говорил ранящих слов, вызывающих лишь отвращение, а наоборот, преданно заглядывал в глаза, стремясь угодить.

Какой послушный.

В конце концов, Инь Чэньюй принял ларец с золотом, серебром и нефритом, присланный Сюэ Шу.

Он велел Чжэн Добао принести жетон Восточного дворца и бросил его Сюэ Шу:

— Вот тебе жетон. Отныне помни, чей ты человек.

Сюэ Шу поймал жетон, и тень удовольствия коснулась его обычно непроницаемого лица.

Он знал этот знак. Такие жетоны часто висели на поясах Чжэн Добао и Чжао Линя — это означало, что они служат наследному принцу.

— Благодарю Ваше Высочество за награду, — произнес он и бережно спрятал жетон в рукав.

— Раз дел больше нет, можешь идти, — махнул рукой Инь Чэньюй и поднялся, собираясь направиться в главный зал. Уже у дверей он добавил: — Ты ведь служишь отцу-императору. Если придешь снова, постарайся остаться незамеченным.

Сюэ Шу проводил его взглядом и, лишь когда тот скрылся из виду, с облегчением покинул покои.

Помня слова Инь Чэньюя, он на этот раз не пошел через главные ворота, а выскользнул из Восточного дворца через боковую калитку, бесшумно, словно ночная тень, и направился к Западному бюро.

Вернувшись в главный зал, Инь Чэньюй вспомнил, что ларец с дарами так и остался неубранным. Он подозвал Чжэн Добао и распорядился:

— Выдели отдельную комнату в кладовой. Убери туда этот ларец. И впредь поступай так же со всеми его подношениями.

Чжэн Добао поклонился и, проводив принца до опочивальни, лишь потом приказал младшим евнухам отнести ларец в кладовую.

Наблюдая, как слуги составляют опись содержимого, Чжэн Добао удовлетворенно кивал.

Кажется, он раньше ошибался на счет этого Сюэ Шу. А тот оказался неплох — умеет быть благодарным за доброту.

После Праздника фонарей новогодние торжества окончательно завершились.

Но не успел рассеяться праздничный дух в столице Ванцзин, как случилось громкое происшествие — резиденцию семьи Юй в квартале Наньсюнь обокрали.

Вор действовал дерзко и шумно: он унес не только ценнейшие подлинники знаменитых мастеров из коллекции первого министра Юй, но и опустошил кабинеты старшего и второго господ Юй, прихватив их сокровища. Даже письма, которыми те обменивались с родными и друзьями за последние годы, личные печати — все исчезло без следа.

Семья Юй немедленно обратилась к властям.

Первый министр Юй, уже преклонных лет, узнав о случившемся, был настолько сражен наглостью вора, что слег от потрясения и несколько дней не появлялся ни при дворе, ни в Кабинете министров.

Второй господин Юй, Юй Цзин, известный своим вспыльчивым нравом, видя, как болезнь сразила отца, а дерзкий вор так и не найден, принялся ежедневно осаждать управление столичной префектуры Шуньтянь, требуя отчета. Он занимал лишь синекуру в Управлении пяти армий, полученную по протекции, и, не имея других дел, целыми днями просиживал в главном зале управления префектуры с саблей на поясе, заявляя, что лично контролирует скорейшую поимку преступника.

Начальник столичной префектуры отчаялся настолько, что, казалось, посидел за одну ночь, и мог лишь отправлять все новые патрули на поиски неуловимого вора.

Из-за поднятой шумихи происшествие стало главной темой для пересудов среди жителей столицы. Иные смельчаки, завидев направлявшегося в управление префектуры Юй Цзина, с улыбкой спрашивали:

— Второй господин Юй, ну что, поймали сегодня вора?

Юй Цзин обычно лишь мрачно отвечал:

— Нет еще!

И вот, в этой атмосфере мирного спокойствия, слегка сдобренного весельем, соляные инспекторы, получив императорский указ, тихо покинули Ванцзин и разъехались по различным соляным управлениям для проверки сбора соляного налога.

Едва Фан Чжэнкэ, направлявшийся в соляное управление Чанлу, выехал из столицы, как Инь Чэньюй получил об этом известие.

— Все люди расставлены? — спросил он.

Чжао Линь кивнул:

— Все устроено. Оставшегося в живых из семьи Чжао наши люди тоже убедили.

Инь Чэньюй удовлетворенно кивнул, мысленно проверяя, не упущено ли что-нибудь в его плане.

Недавно он тайно посетил резиденцию Юй и посвятил деда и обоих дядей в дело о соляных разрешениях. Неожиданно выяснилось, что старший дядя, Юй Чэнь, вспомнил: еще позапрошлом году Вань Юлян туманно намекал ему на огромные прибыли от этих разрешений.

Тогда Юй Чэнь не придавал этому значения, напротив, предостерег собеседника, напомнив, что и перепродажа разрешений, и торговля контрабандной солью — преступления, караемые смертной казнью, и посоветовал не поддаваться искушению наживы. Вань Юлян, разумеется, заверил, что это лишь праздный разговор между друзьями. Позже Юй Чэнь переписывался с ним, но никаких тревожных вестей о делах в соляном управлении Чанлу до двора не доходило, и он выбросил тот разговор из головы.

Но теперь, вспоминая об этом, он понял: вероятно, Вань Юлян уже тогда поддался соблазну.

Согласно сведениям, добытым Инь Чэньюем, уничтоженная в столице семья Чжао разбогатела на речных перевозках в Тяньцзиньском гарнизоне. Официально они перевозили вино, муку, клейкий рис и прочие товары, но на самом деле занимались контрабандой соли. А работала семья Чжао на нынешнего транспортного комиссара Вань Юляна.

Тяньцзиньский гарнизон располагался в низовьях девяти рек, что делало его центром оживленных речных перевозок и удобным транспортным узлом. К тому же, рядом находились соляные промыслы Чанлу, дававшие огромное количество соли. Соблазн легкой наживы был велик, и всегда находились те, кто, не устояв перед искушением, правдами и неправдами добывал соляные разрешения, а затем тайно переправлял полученную по ним казенную соль на юг для продажи.

Подобные махинации требовали налаженных связей на всех уровнях — от чиновников соляного управления, выдававших разрешения, до торговцев-перевозчиков. Сговор между чиновниками и купцами был обычным делом.

Семья Чжао поначалу действительно занималась законными перевозками. В контрабанду соли они ввязались позже, когда дочь главы семьи стала наложницей одного богатого шэньши из префектуры Хэцзянь. Этот шэньши разбогател именно на контрабандной соли. Поддавшись искушению наживы, семья Чжао начала перевозить контрабандную соль для своего нового родственника на юг.

Однако они не знали, что неиссякаемый источник контрабандной соли у шэньши имелся благодаря его тайным связям с Вань Юляном.

Вань Юлян ради прибыли от контрабанды подделывал документы и печати Министерства финансов, чтобы выписывать излишки соляных разрешений.

Обычное соляное разрешение облагалось налогом в один лян серебра. Но Вань Юлян, подделав документы, якобы запрашивал у Министерства финансов авансом почти триста тысяч разрешений на следующий год. За такие «авансовые» разрешения торговцы солью должны были платить не только налог, но и проценты — по три лян серебра за каждое.

Налоги, уплаченные торговцами, должны были поступать в Министерство финансов, которое возглавлял Юй Хуайань. Проверив архивы за прошлые годы, он обнаружил не только несоответствие в суммах налогов, поступивших от соляного управления Чанлу, но и полное отсутствие документов от Министерства финансов, разрешающих авансовую выдачу разрешений.

Вань Юлян обманывал и вышестоящих, и нижестоящих, присваивая разницу.

Семья Чжао была лишь мелкой деталью в этой схеме. Глава семьи был человеком осторожным. Понимая, что торговля контрабандной солью — тяжкое преступление, он, скопив достаточно денег, решил отойти от дел и перевез всю семью в столицу.

Но семья Чжао не знала, что Вань Юлян давно уже наладил тайные связи с третьим принцем Инь Чэнцзином. Опасаясь, что Чжао проболтаются в столице, Вань Юлян, не находя себе места от беспокойства, обратился за помощью к Инь Чэнцзину.

По удачному стечению обстоятельств, даос Ванчэнь, подделывавший для Вань Юляна документы и печати, обладал некоторыми способностями. Это позволило Инь Чэнцзину разработать хитроумный план.

Сначала он уничтожил всю семью Чжао, распуслав слухи о лисе-оборотне. Затем создал даосу Ванчэню репутацию в столице, а после инсценировал нападение «лисы-оборотня» в императорском дворце, чтобы представить даоса императору Лунфэну как спасителя.

Вероятно, Инь Чэнцин уже давно был недоволен алчностью Вань Юляна. Зная, что Фан Чжэнкэ, назначенный в этом году инспектировать соляные промыслы, человек прямой и неподкупный, которого трудно обмануть, он решил использовать его. Инь Чэнцин планировал подставить Вань Юляна, заставив его оговорить Юй Чэня. Таким образом, он избавлялся от опасного сообщника Вань Юляна и одновременно бросал тень на семью Юй и самого наследного принца.

В прошлой жизни этот многоходовый план Инь Чэнцина, бьющий сразу по трем целям, сработал безупречно. Его можно было бы назвать гениальным.

Но, к несчастью для принца, Небеса сжалились и даровали Инь Чэньюю второй шанс.

На этот раз планам Инь Чэнцзина не суждено было осуществиться.

Фан Чжэнкэ уже направлялся в соляное управление Чанлу. Инь Чэньюй приказал своим людям разыскать чудом уцелевшего наследника семьи Чжао и убедить его перехватить инспектора по дороге с доказательствами и подать жалобу императору.

Дело вскрылось почти на два месяца раньше. Даос Ванчэнь был уже мертв. Кто знает, успел ли Вань Юлян подготовить свои «доказательства»?

Инь Чэньюй постучал пальцами по столу.

— Прикажи людям по дороге внимательнее следить за всем, — распорядился он.

В конце первого месяца Департамент государственных сообщений получил доставленный за восемьсот ли срочной почтой доклад Фан Чжэнкэ.

Это произошло даже немного быстрее, чем ожидал Инь Чэньюй.

В своем докладе Фан Чжэнкэ гневно обличал хаос, царящий в соляном управлении Чанлу, прямо указывая на сговор чиновников с торговцами солью, незаконную выдачу разрешений и хищение налогов. Он не умолчал и о жалобе наследника семьи Чжао, упомянув об этом в конце доклада резким, полным скорби и негодования тоном. Инспектор обвинял чиновников соляного управления Чанлу в том, что ради личной выгоды они разрушают соляную отрасль и пренебрегают человеческими жизнями. Он просил императора Лунфэна назначить тщательное расследование.

Император Лунфэн пришел в ярость. Он немедленно приказал доставить к нему больного Юй Хуайяня и поручил ему проверить все выданные в Чанлу за прошлые годы соляные разрешения и подсчитать уплаченные налоги.

Чиновники Министерства финансов трудились три дня и три ночи, прежде чем смогли подвести итоги.

Результаты проверки ошеломили всех. За последние десять лет нехватка соляных налогов в Чанлу достигла чудовищной суммы — пяти миллионов лян серебра!

Соляной налог всегда был одной из главных статей дохода казны. Весь годовой доход Великой Янь составлял немногим более двадцати миллионов лян!

Казна пустовала, императору Лунфэну приходилось выслушивать упреки придворных за каждую попытку построить хотя бы скромный павильон в саду, а эти чиновники соляных управлений купались в роскоши, наживаясь на соли. Как мог император стерпеть такое?

В гневе Лунфэн немедленно отдал приказ: отправить людей в соляное управление Чанлу для проведения тщательного расследования.

И не только в Чанлу — проверке подлежали и четыре других соляных управления: Лянхуай, Лянчжэ, Шаньдун и Хэдун. Император был полон решимости выявить и искоренить всех казнокрадов и взяточников.

Однако, когда пришло время назначать ответственных за расследование, возникли трудности.

Дело одного только соляного управления Чанлу уже было беспрецедентным по масштабу. Если добавить к этому еще четыре управления, то клубок интересов окажется настолько запутанным, что трудно даже представить. Обычный чиновник не то что не сможет провести расследование — он, скорее всего, даже не доберется до места назначения живым.

Когда император Лунфэн на утренней аудиенции спросил: «Кто может взяться за это?», все гражданские и военные чины потупили взоры, уставившись себе на носы и разглядывая свои сердца, — никто не осмеливался взяться за это гиблое дело.

Так прошло два дня, но кандидат так и не был выбран.

Тем временем прибыло еще одно прошение от Фан Чжэнкэ — на этот раз с извинениями. Он сообщал, что во время изучения архивных документов соляного управления Чанлу в здании внезапно вспыхнул пожар. Он получил ранения, туша огонь, но спасти архивы за прошлые годы не удалось.

Под видом извинения это была мольба о помощи.

Расследование в соляном управлении Чанлу стало неотложным, но подходящего человека все не находилось.

Именно в тот момент, когда император Лунфэн был в полном отчаянии, Инь Чэньюй, выждав нужный момент, явился на утреннюю аудиенцию и обратился с прошением:

— Хаос в соляной отрасли подрывает основы государства. Ваш сын готов отправиться в Чанлу, чтобы тщательно расследовать дело о соляных налогах и разделить бремя забот отца-императора.

Его слова прозвучали как бальзам на душу императора Лунфэна и всего двора. Все вздохнули с облегчением.

Никто не подходил для этой миссии лучше наследного принца.

Хотя император Лунфэн и не желал дальнейшего усиления власти старшего сына, сейчас у него просто не было выбора. Ему пришлось кивнуть в знак согласия.

Однако, поразмыслив, он вновь почувствовал беспокойство. Недостача в соляном управлении Чанлу исчислялась миллионами лянов серебра. Даже если удастся вернуть лишь часть, сумма все равно будет огромной. А если тот, кто будет проводить расследование, решит утаить часть найденного... Император мог об этом и не узнать.

Он невольно бросил взгляд на Юй Хуайяня. Пока тот возглавляет Министерство финансов, разве не будет так, что старший сын отчитается о той сумме, о какой сам пожелает?

Пока император Лунфэн раздумывал, как бы приставить к наследному принцу несколько своих людей для надзора, Инь Чэньюй сам предоставил ему удобный предлог:

— Путь до Чанлу долог. Охрана Восточного дворца не слишком надежна. Прошу отца-императора позволить вашему сыну взять с собой отряд императорской гвардии.

— Разумеется, так и следует поступить, — Лунфэну словно поднесли подушку, когда он уже собирался вздремнуть. Впервые он подумал, что и от этого старшего сына бывает прок.

Сделав вид, что размышляет, он произнес:

— Сюэ Шу из Императорских конюшен командует гарнизоном Сывэй и весьма искусен в ратном деле. Приказываю ему возглавить отряд из пятисот воинов гарнизона Сывэй для сопровождения и охраны.

Инь Чэньюй улыбнулся и низко поклонился:

— Благодарю отца-императора за заботу.

Отец и сын обменялись понимающими улыбками, оба довольные исходом дела.

<http://bllate.org/book/13382/1190727>